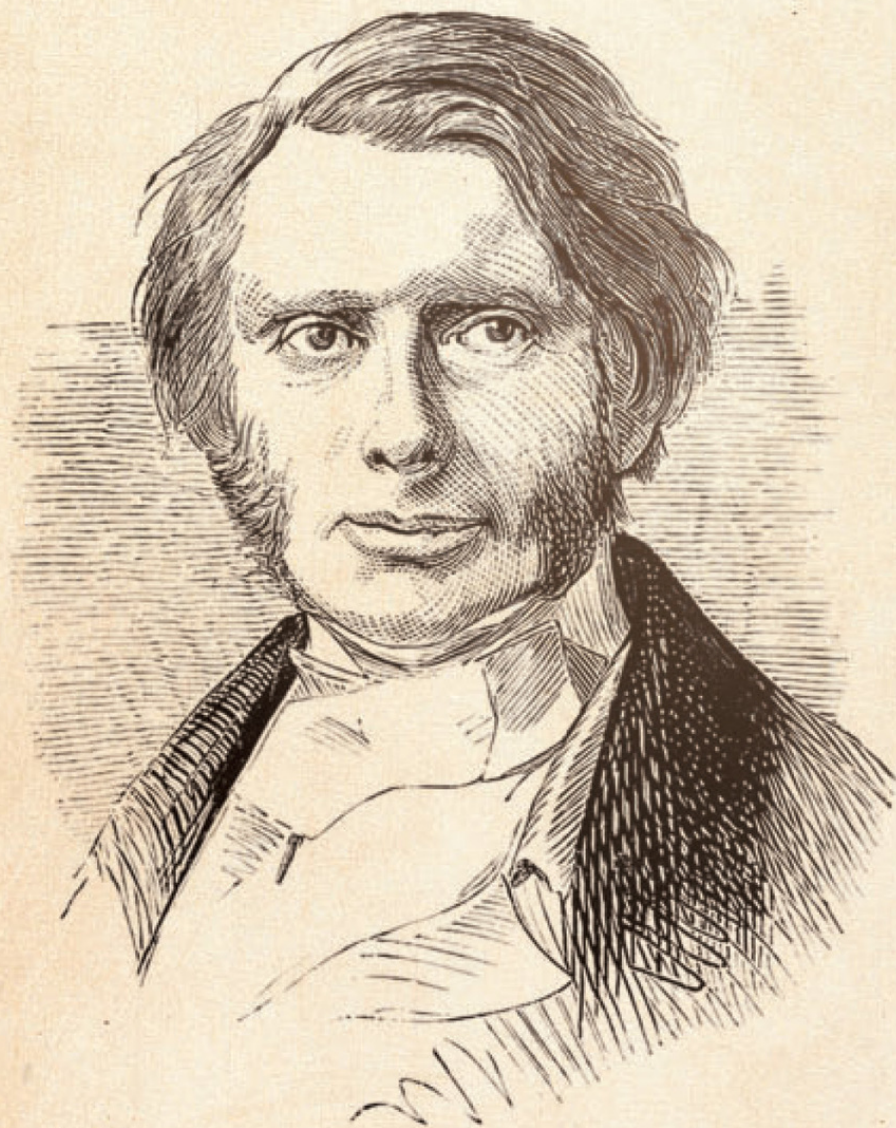
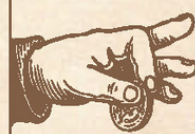

ДЖОН РЁСКИН

Радость навеки
и ее рыночная
цена

Авторская серия Джона Рёскина

Джон Рёскин

**Радость навеки и
ее рыночная цена**

«РИПОЛ Классик»

УДК 7.0
ББК 87.8

Рёскин Д.

Радость навеки и ее рыночная цена / Д. Рёскин — «РИПОЛ
Классик», — (Авторская серия Джона Рёскина)

ISBN 978-5-386-10433-7

Вниманию читателей предлагается книга выдающегося английского искусствоведа и социального реформатора Дж. Рёскина, написанная на основе лекций, прочитанных им в Манчестере в 1857 году. Автор ставит перед собой трудную задачу – внести мораль и эстетику в политическую экономию; частью решения этой задачи является стремление ввести элементы красоты в повседневную будничную жизнь человека, в его труд и производство. Настороженно относясь к современной ему машинной цивилизации и проповедуя свободный облагороженный труд, Джон Рёскин высказывает ряд интересных идей о месте и роли государства, об открытии и применении таланта человека, о накоплении и распределении результатов труда и др. Книга будет интересна философам, искусствоведам и специалистам в области истории экономической мысли, а также всем заинтересованным читателям.

УДК 7.0

ББК 87.8

ISBN 978-5-386-10433-7

© Рёскин Д.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Предисловие	6
Радость навеки и ее рыночная цена	7
Чтение I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джон Рёскин

Радость навеки и ее рыночная цена

JOHN RUSKIN

Political Economy Of Art

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

Предисловие

Большая часть предлагаемых очерков является точным воспроизведением лекций, читанных мною в Манчестере; но наиболее краткие положения, встречавшиеся при устном изложении, развиты мною здесь полнее и обстоятельнее и сопровождаются значительным количеством примечаний – для объяснения тех пунктов, которых, за недостатком времени, находившегося в моем распоряжении, я не мог достаточно развить при чтении.

Вероятно, не мешает извиниться перед читателями за желание обратить их внимание на предмет, глубокое изучение которого, по-видимому, несовместимо с моей специальностью. Но глубокое изучение едва ли нужно как пищущему, так и читателям, тогда как точное знание вопроса до известной степени необходимо всем нам. Политическая экономия на простом английском языке значит «экономия граждан», и ее основные принципы должны быть поняты всеми, берущими на себя ответственность, сопряженную с именем гражданина, подобно тому как хозяйственная экономия должна быть понята всеми, принимающими на себя ответственность за ведение домашнего хозяйства. К тому же основные принципы политической экономии вполне ясны, но многие из них неприятны по своим практическим требованиям, и люди обыкновенно ссылаются на то, что не могут понять их, единственно потому, что не желают им следовать, или, вернее, в силу того, что обычное неповиновение этим принципам лишает их даже способности понимать их. Да, из всех действительно великих принципов этой науки нет ни одного неясного или спорного, ни одного непонятного даже юноше, как только он начинает зарабатывать свой хлеб, или девице, начинающей принимать участие в домашнем хозяйстве.

Я скорее заслуживал бы упрека в том, что считаю необходимым подробно выяснять те пункты, которые, по-видимому, должны быть известны всем. Но едва ли можно меня в этом обвинять, так как явления в области промышленности, ежедневно сообщаемые газетами, а тем более пояснения, делаемые этими последними, ясно указывают, что значительная масса так называемых промышленных предпринимателей так же невежественна относительно свойств денег, как и беспечна, несправедлива и несчастна в деле их употребления.

Изложение экономических принципов в тексте – хотя я знаю, что если не все, то большинство из них уже приняты существующими авторитетами в области этой науки, – не подтверждаются мною цитатами потому, что я никогда не читал ни одного автора по политической экономии, кроме Адама Смита, да и того двадцать лет тому назад. Каждый раз, когда я раскрывал какую-нибудь современную книгу по этому вопросу, то всегда находил, что она загромождена исследованиями по случайным и второстепенным промышленным вопросам, следить за которыми у обыкновенного читателя нет свободного времени и сложность которых, по-видимому, не редко лишает самих авторов возможности понимать самую основу дела.

В заключение замечу, что если читатель будет склонен осуждать меня за слишком радужное представление о возможных изменениях в практике политической жизни, то пусть он только подумает о том, как дико показалось бы современникам Эдуарда I, если бы им сказали, что современный нам строй политико-экономической жизни не только неизбежен, но даже возможен. А я думаю, что наш прогресс со времен Эдуарда I состоит не столько в том, что нами уже достигнуто, сколько в том, что мы имеем возможность достигнуть в будущем.

Радость навеки и ее рыночная цена

Чтение I

В числе различных характерных черт нашего века, отличающих его от столетий, пережитых нашим не очень старым миром, я считаю, что справедливое и разумное презрение к бедности является одною из самых выдающихся. Повторяю: справедливое и разумное; хотя и замечая, что некоторые слушатели удивлены тому, что я высказываю такие вещи. Но уверяю вас, что я говорю вполне серьезно и не решился бы сегодня вечером обратиться к вам с этой речью, если б не относился с глубоким уважением к богатству – разумеется, к истинному богатству; ложное же богатство, как и все ложное, конечно, не заслуживает ни малейшего уважения; и различие между действительным и ложным или мнимым богатством и есть тот пункт, относительно которого мне предстоит теперь сказать вам несколько слов. Да, я, как уже сказал, ценю истинное богатство очень высоко и разделяю большею частью то особенное чувство, в силу которого наш век открыто воздает дань уважения богатству, причем не могу удержаться, чтоб не заметить, как необычайно и как резко отличается наш век от всех прошедших эпох тем, что у него нет ни философских, ни религиозных поклонников дырявого божества бедности. В эпоху классической древности не только находились люди, добровольно жившие в бочках и серьезно защищавшие преимущество жизни в бочках перед жизнью в городах, но даже греки и римляне, по-видимому, смотрели на этих эксцентричных и – не смущаясь, прибавляю – нелепых людей с таким же уважением, с каким мы относимся к крупным капиталистам и землевладельцам, так что в то время люди, можно сказать, гордились пустыми, а не туго набитыми, кошельками. Нас не меньше поражают те почести, которые этот странный греческий народ воздавал своим высокомерным беднякам, как и то презрение, с каким он относился к богачам; так что нет никакой возможности долго прислушиваться к нему или к его подражателям – к римским писателям – без того, чтоб не запутаться во всевозможных благовидных нелепостях; причем эти древние греки и римляне стараются убедить нас в бесполезности накопления тяжелого желтого вещества, называемого золотом, и возбудить вообще сомнение относительно всех установленных политико-экономических учений. В Средние века дело обстояло не лучше, греки и римляне довольствовались тем, что осмеивали богатых людей и сочиняли забавные разговоры между Хароном и Диогеном или Мениппом, в которых перевозчик и циник ликует при виде того, как плачевные толпы царей и богачей приближаются к Ахерону, бросая свои венцы в мрачные воды и тщетно отыскивая в своих сокровищницах ту монету, которая могла бы оказаться им полезной. Но этот языческий взгляд довольно снисходителен сравнительно с тем, который существовал в Средние века, когда богатство в глазах лучших людей казалось не только презренным, но и преступным. Кошель с деньгами, висящий на шее, является во всех изображениях ада одним из главных указаний на вечное осуждение, а дух бедности чтится с такой же сердечной теплотой и искренней почтительностью, с какой честный рыцарь относился к даме своего сердца и верноподданный – к своей царице. И действительно, нужно обладать известной смелостью, чтоб совсем отделаться от этих чувств и открыто признать их односторонность или ошибочность, что мы принуждены, однако, сделать. Ведь богатство есть, в сущности, просто одна из великих сил, вверенных в руки человека; сила, которой нельзя, правда, завидовать, потому что она редко дает счастье, но которую, тем не менее, нельзя ни презирать, ни отталкивать от себя, так как она – в настоящее время и в нашей стране – является тем более серьезной, что власть богача проявляется не в горах золота и не в сундуках, наполненных драгоценными камнями, а в массе людей, направляемых на различные отрасли труда и над телом

и душой которых богатство, судя по обстоятельствам, имеет или вредное, или благотворное влияние, становясь, таким образом, источником праведности или гибели.

И вот, в силу того, что вы, судя по названию, признаете обширное собрание английских картин тоже за ваше сокровище, т. е. за известную частицу или крупницу действительного богатства нашей страны, я и думаю, что вы, может быть, не без интереса проследите за некоторыми коммерческими вопросами, находящимися в связи с этой особенной формой богатства. Большинство людей выражает удивление по поводу их количества, так как прежде они не имели никакого понятия о накопленном в Англии количестве произведений хорошего искусства; и потому, я надеюсь, далеко небезынтересно будет для вас рассмотреть, какое политико-экономическое значение имеет это накопление, какого рода труд оно представляет собою и как вообще этот труд может быть применен и экономизирован с целью дать наилучшие результаты.

Я попрошу вас несколько набраться терпения, так как, прежде чем рассмотреть специально этот вопрос, мне необходимо коснуться некоторых общеизвестных и установленных пунктов в области политической экономии; хотя я и говорю, что они установлены, тем не менее некоторые из них, и именно те, на которых мне придется особенно останавливаться, далеко не общепризнанны; я не буду тратить времени на подробную защиту их, тем не менее, мне необходимо ясно высказать вам, в какой форме я желаю их рассматривать, и считаю это тем более нужным, что, может быть, часть моих слушателей совсем не интересовалась политической экономией и желает, тем не менее, узнать, как ее принципы могут быть применены к искусству. Поэтому я, с вашего позволения, злоупотреблю вашим терпением и позволю себе вначале коснуться нескольких элементарных положений, а в дальнейшем течении нашего специального исследования изложить и некоторые общие принципы.

Итак, начнемте с одного из этих необходимых трюизмов: экономия государств, как и отдельных хозяйств и личностей, есть искусство правильно управлять работой. Мир так устроен Провидением, что труд человека, правильно примененный, вполне достаточен, чтобы в течение жизни снабжать его не только всем необходимым, но и многими приятными предметами роскоши, предоставляя ему возможность даже наслаждаться длинными промежутками для отдыха и полезного досуга. И труд наций, правильно примененный, вполне достаточен, чтоб снабдить все население хорошей пищей, удобными жилищами, и не только этим, но и доставлять ему хорошее воспитание, предметы роскоши и сокровища искусства, вроде тех, которые в данную минуту окружают вас. Но, в силу тех же законов Провидения и природы, если труд нации или отдельной личности ложно направлен, а тем более если он недостаточен – если нация или отдельный человек ленивы или неразумны, – то появляются страдания и лишения, как раз соответственно степени нерадивости и неразумия, соответственно нежеланию работать или ложному применению труда. Всюду в окружающем вас мире, встречая нужду, несчастье или развращенность нравов, вы смело можете быть уверены, что они являются результатом недостатка в труде или ложного его направления. Явления эти неслучайны, бедствия эти не по воле Провидения; не первородное или прирожденное зло человеческой природы наполняет ваши улицы стенаниями и ваши кладбища – воплями. Нет, все эти бедствия произошли от того, что вместо предусмотрительности явилась безумная трата, вместо трудолюбия – сладострастие, вместо правильной подчиненности – своеволие¹.

В настоящее время мы придаем слову «экономия» то значение, какого оно совсем не имеет. Мы постоянно употребляем его в смысле простого сбережения или сохранения; экономия денег означает сбережение денег, экономия времени – сбережение времени и т. д. Но это совсем варварское употребление этого слова – варварское вдвойне, потому что ему придается то значение, какое оно имеет не на английском языке, а на плохом греческом; втройне даже варварское, так как ему придается значение не английское, а дурное греческое, и притом самое

¹ «Мало хлеба бывает на ниве бедных, но некоторые гибнут от беспорядка» (Притчи, XIII, 23).

неточное. Экономия означает так же сбережение, как и трату денег. Она означает управление домом, руководством, т. е. как трату, так и сбережение с наибольшей пользой или выгодой и денег, и времени, и всего. В самом простом и ясном смысле экономия, и общественная и частная, означает разумное руководство в тройном смысле, а именно в смысле разумного применения труда, в смысле бережного охранения его продуктов и, наконец, в смысле своевременного и правильного распределения их.

Итак, прежде всего, экономия заключается в разумном применении труда, с целью получить возможно более ценные и прочные вещи: не выращивать овса там, где может расти пшеница, и не украшать тонкими вышивками гнилую материю; затем в тщательном охранении продуктов труда, т. е. в разумном сбережении нашей пшеницы в складах на случай голода и ваших вышивок от моли; и, наконец, в своевременном и правильном распределении продуктов – так, чтоб вы могли немедленно доставлять ваше зерно в те местности, где народ голодает, и ваши вышивки, где народ наряжается, во всем исполняя слова премудрого относительно как царственной жены, так и царственной нации: «Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и урочное служанкам своим. Она делает себе ковры; виссон и пурпур – одежды ее. Крепость и красота – одежды ее, и весело смотрит она на будущее».

Теперь заметьте, что в этой характеристике вполне совершенного экономиста или доброй домашней хозяйки вы находите обдуманное выражение уравновешенного разделения ее забот между двумя великими группами предметов пользы и блеска: в правой руке – пища и прядиво для жизни и одежды, а в левой – пурпур и шитье для чести и красоты. Любое совершенное хозяйство или правильная национальная экономия узнается по этим двум признакам: всюду, где недостает хоть одного из них, экономия несовершенна. Если преобладает пышность и заботы политикоэконома направлены только на накопление золота и картин или шелка и мрамора, то вы сразу можете решить, что скоро настанет время, когда все эти сокровища погибнут и исчезнут вместе с разорением нации. Если же, наоборот, преобладает элемент пользы и нация презирает заниматься искусствами, создающими предметы красоты и восторга, то не только известная доля ее энергии, предназначенная на проявление себя в этих искусствах, тратится бесполезно, указывая на плохую экономию, но и чувства становятся болезненно извращенными, и низкая жажда накопления ради простого накопления или даже труда ради труда изгоняет всякую отраду и нравственность из жизни нации сильнее и неблагоприятнее, чем даже расточительность гордости и легкомыслие наслаждения. И точно так же и даже вернее, судить о частной экономии домашнего хозяйства вы можете всегда по тому, насколько в нем польза сопряжена с удовольствием. Вы увидите, что сад мудрой хозяйки красиво соединяет в себе хорошо посаженный огород с душистым цветником; вы увидите, что добрая хозяйка гордится красивыми скатертями и сияющими чистотой полками не меньше, чем сытным обедом и полными кладовыми; и, уважая ее за ее серьезность, вы лучше познаете ее по ее улыбке.

После этих предварительных замечаний я сегодня и в следующий раз займусь больше экономией сада, чем хозяйственным двором. Я попрошу вас рассмотреть вместе со мной те законы, руководясь которыми мы можем лучше разбивать клумбы нашего национального сада и выращивать на них наиболее пышный ряд деревьев, приятных для взора (в разумном смысле), с целью почерпнуть из них подобающие для нас уроки мудрости. Но прежде чем приступить к рассмотрению специально занимающего нас вопроса, позвольте несколько остановиться, чтобы вместе с вами настоять на признании принципа управления или авторитета, который должен служить основой всякой экономии как в деле пользы, так и в деле удовольствия. Несколько минут тому назад я сказал, что труд нации, хорошо направленный и примененный, вполне достаточен, чтоб доставлять всем хорошую пищу, удобный кров, одежду и приятные предметы роскоши. Но хорошее, своевременное и постоянное применение труда составляет все. Когда наши здоровые руки лишены работы, мы не должны дико оглядываться кругом в поисках за каким-нибудь занятием для них. Если вы когда-нибудь чувствуете такую

нужду в работе, то это вернейший признак, что все ваше хозяйство не в порядке. Вообразите себе фермершу, к которой в полдень являются две или три ее работницы и заявляют, что им нечего делать, что они не знают, чем им теперь заняться; и представьте себе дальше, что эта жена фермера безнадежно осматривает и свой дом, и свой двор, находящиеся в сильном беспорядке, и, не зная, к какой работе приспособить этих работниц, начинает, наконец, горько сетовать на то, что ей приходится даром кормить их обедом. Вот образец той политической экономии, которую мы слишком часто практикуем в Англии. Не скажете ли вы о такой хозяйке, что она не имеет понятия о своих обязанностях? И не находите ли вы, что при правильном ведении хозяйства хозяйка всегда будет рада иметь несколько свободных рук, готовых помочь ей? Что она всегда тотчас же знает, к какой работе их применить, какую часть завтрашней работы можно с удобством сделать сегодня, какую часть работы будущего месяца можно благоразумно подготовить или какую новую отрасль производства выгодно начать? И что с наступлением вечера, отпуская рабочих на отдых или собрав их для чтения вокруг рабочего стола, она должна быть уверена, что ни одна работница не была утомлена чрезмерным трудом, так как ни одна не оставалась праздною, что все было выполнено, так как все были заняты; что доброта хозяйки содействовала ее сметливости и более легкая работа предоставлена была наиболее слабым, а наиболее трудная – наиболее сильным; что никто не был обесчещен бездельностью и ничьи силы не надорваны чрезмерным трудом?

Действительно мудрой хозяйкой явилась бы нация, правильно понимающая политическую экономию. Вы жалуетесь на трудность найти работу для ваших людей, тогда как, в действительности, затруднение должно состоять в недостатке людей для всех нужных работ. Серьезный для вас вопрос заключается не в том, сколько людей вам нужно прокормить, а сколько выполнить работ; наша праздность, а не голод разоряют нас; не будемте никогда опасаться слишком хорошего аппетита наших работников: наша мощь в их силе, а не в их голодании. Взгляните кругом на ваш остров и определите, что вам нужно делать. Можно реветь, ударяясь о ваши бесприютные утесы, – вам нужно устроить волнорезы и гавани, могущие служить верным убежищем; заразные болезни, порождаемые нечистотами, опустошают ваши улицы; вам нужно спустить потоки с ваших холмов и дать свободный доступ воздуху; голод делает бескровными ваши губы и изнуряет ваше тело – вам следует осушить топи и болота, а не запускать их, и не выдавливать из скал мед и елей. Такие работы – и множество им подобных – нам предстоит выполнять и теперь и постоянно на этой нашей обширной ферме; и никогда не предполагайте, что страна представляет что-нибудь иное. Те же законы, которые применимы к правильному ведению хозяйства на ферме или в имении, пригодны и для процветания провинции и страны. Те упреки, с которыми вы считали бы нужным обратиться к нерадивому хозяину дурно управляемого наследственного имения, мы должны делать и себе, заставляя народ страдать от безработицы, страну – от неурядицы. Что сказали бы вы хозяину имения, обращающемуся к вам с жалобой на свою бедность, на свое бессилие выйти из нее, а на ваши указания, что поля его наполовину заросли сорными травами, что все изгороди поломаны, скотные дворы без крыш и работники лежат голодными под заборами, он ответил бы вам, что окончательно разорился бы, если б очистил поля от сорных трав, покрыл скотные дворы, что это все слишком дорогие для него предприятия, что он решительно не знает, как прокормить рабочих и из чего платить им? Разве вы не сказали бы ему, что очистка полей от сорных трав не разоряет, а спасает его от бедности, что бездельность губит его и что, давая рабочим возможность работать, он тем самым найдет возможность и прокормить их? Теперь, сколько бы вы ни прибавляли десятин или сколько бы вы ни расширяли имения и ни увеличивали число их, всегда для них обязательны будут те же простые законы хозяйства. Принципы, правильные при администрации небольшого количества полей, не менее правильны для обширной страны с беспредельными границами: праздность великого множества людей не перестает

быть разорительной только потому, что ею охвачены массы народа, а труд не перестает быть производительным, став всеобщим.

Но вы возражаете, что есть одна существенная разница между хозяйством нации и частного человека: последний имеет полную власть над своими рабочими; он может всегда направить их на необходимую работу, желают ли они того или нет; он может моментально прогнать их, если они не желают работать, мешают работе других или оказываются непокорными и сварливыми. Да, разница громадная, и на нее-то я и желаю преимущественно обратить ваше внимание, так как вам нужно главным образом отделаться от нее. Мы признаем необходимость авторитета при управлении фермой, флотом, армией, но обыкновенно отрицаем ее в деле управления страной. Однако ж остановимся несколько на этом вопросе.

Французы, проделывая множество разнообразных и злополучных экспериментов в деле развития и улучшения социальной системы, пришли наконец к признанию одного, вполне верного принципа – принципа братства. Пожалуйста, не пугайтесь этого принципа, опыты применения которого были вполне ошибочны, потому что при этом забывалось, что братство неизбежно устанавливает другой столь же важный факт – факт сыновнего признания одного общего отца. Другими словами, если мы рассматриваем нацию за семью, то единство этой семьи столько же зиждется на признании, что у нее есть глава, отец, сколько и на солидарности или братстве всех ее членов. И этого-то мы никогда не должны забывать, не должны исповедовать только устами, отрицая в действительной жизни. Каждое воскресенье мы знаем, что человек, одетый в черное одеяние, будет обращаться к нам с проповедью, как к братьям, и высказывать нам вещи, признаваемые нами за правду, но мы были бы сильно шокированы, если бы это вынуждало нас к признанию существования братства между нами вне церкви. Мы едва ли найдем несколько строк по политическим вопросам, в которых не говорилось бы об «отеческих заботах правительства», но мы поражены были бы ужасом при мысли о правительстве, претендующем иметь над нами нечто вроде отцовского авторитета. После только что сказанного мне кажется, что сравнение и уподобление хозяйства фермы хозяйству страны если и страдает каким-нибудь недостатком, то разве только в том отношении, что пример мой чрезмерно не узок, а широк и что истинным типом хорошо организованной нации должна служить не ферма, обрабатываемая наемными рабочими, которых можно всегда моментально рассчитать, если они отказываются работать, а ферма, в которой хозяином является отец, а работниками – его сыновья и в распорядках которой имеют значение не только принятые на себя обязательства, но и узы любви и взаимной ответственности членов одной семьи, где тягота всех дел и работ не только облегчается братским согласием, но и подкрепляется отцовским авторитетом².

Заметьте, я отнюдь не думаю этим сказать, что мы должны передать такой авторитет в руки какой-нибудь отдельной личности, группы людей или класса. Но я хочу этим дать понять, что как каждый человек, мудро устрояющий свою жизнь, должен составить себе ясно определенные правила жизни, которые тем не менее могут оказаться порой стеснительными или оскорбительными и которым он больше всего должен следовать именно тогда, когда они кажутся наиболее стеснительными, точно так же и нация, желающая мудро жить, должна признать над собой авторитет царей, советов или законов, которым и должна повиноваться, даже когда этот закон или авторитет кажутся стеснительными для массы народа или обидными для известной группы нации. Этого рода национальные законы имели до сих пор только судебное или карательное значение, ограничиваясь только предупреждением и наказанием насилия и преступления; но по мере нашего преуспевания в социальных знаниях мы будем стараться, чтобы наше правительство имело не только судебную, но и отеческую власть, т. е. установим такие законы и такой авторитет, которые будут руководить нами в наших занятиях, защищать нас от наших сумасбродств и помогать нам в наших бедствиях; будем иметь правительство,

² См. примечание 1-е в прибавлениях.

которое будет пресекать бесчестность, как теперь карает воровство, которое покажет, как дисциплина масс может содействовать развитию мирных работ, подобно тому, как до сих пор дисциплинировались массы для войн, – правительство, у которого будут свои воины плуга, как и воины сабель, и которое будет с большей гордостью раздавать свои кресты за трудолюбие, золотые, как спелая нива, чем теперь свои почетные кресты, бронзированные багряной кровью.

Я не имею, конечно, времени, чтобы подробно обрисовать вам характер и свойства такого рода правительства, и хотел только обратить ваше внимание на ту бесспорную истину, что признание дисциплины и вмешательства лежит в самом корне человеческого прогресса и власти и что принцип невмешательства или предоставления человека собственным силам во всех сферах человеческой деятельности есть принцип смерти; что гибель грозит ему, гибель бесспорная и окончательная, если он предоставляет на произвол собственных сил свою страну, своих собратий, свою собственную душу; что вся жизнь человека – если это здоровая жизнь – должна быть посвящена тому, чтоб постоянно пахать и очищать, порицать и помогать, управлять и карать, и что только в признании великого какого-нибудь принципа принуждения и вмешательства в национальную деятельность он и может надеяться обрести тайну защиты от национального бесчестия. Я нахожу, что народ имеет право требовать образования от правительства, но лишь поскольку он признает себя обязанным повиноваться этому правительству. Я думаю, что он имеет право требовать работы от своих правителей, но лишь поскольку он признает за последними право руководить и дисциплинировать его работу и лишь поскольку массы предоставляют людям, признанным за правителей, отцовский авторитет, удерживающий ребячество национальной фантазии и направляющий своеобразие национальной энергии, постольку они и имеют право требовать, чтоб ни одно из народных бедствий не оставалось без помощи, ни одно из злополучий – неисправленным, чтоб при каждой горе, при каждой гибели видна была протянутая рука помощи и приподнятый ограждающий щит отца³.

Я остановился на этом вопросе дольше, чем следует для предмета наших исследований, потому что, заговорив с вами в первый раз о политической экономии, я должен был ясно установить, что считаю главным, основным ее принципом; к тому же мне не хотелось, чтобы мы разом разошлись, когда, устанавливая должную экономию в искусстве, я стану советовать то, что может показаться вам слишком большим вмешательством или стеснением свободы художника и его патрона. Мы, при всем нашем благоразумии, склонны отчасти действовать под влиянием первого импульса даже в делах чисто коммерческих, а тем более в тех, где фантазия играет главную роль. Ваше дело решить, поскольку предлагаемые мною системы или стеснения уместны, я же попрошу вас не отвергать их только в силу того, что они – системы, налагающие известные стеснения. Помните ли вы интересное место у Карлейля, в котором он сравнивает существующую в настоящее время у нас, в Англии, подразумеваемую денежную цену человека и лошади, причем удивляется, что лошадь, животное с менее развитыми мозгами и с неуклюжими копытами вместо рук, стоит на рынке всегда известное количество рублей или десятков рублей, тогда как человек не только не имеет на рынке определенной цены, но часто даже оказывает услугу обществу, стерев себя с лица земли. Карлейль не дает на этот вопрос ответа, потому что предполагает, что мы сразу поймем причину этого различия. Цен-

³ Срав. статью Вордсворта о билле относительно «Реформы закона о бедных». Я привожу из нее следующий замечательный отрывок: «Если небезопасно касаться отвлеченного вопроса о праве человека в социальном государстве помогать себе даже до последней крайности, то не можем ли мы, однако, настаивать на обязанности христианского правительства, стоящего *in loco parentis* по отношению к своим подданным, быть настолько предусмотрительным, чтобы никому не грозила опасность погибнуть от небрежности или жестокости законодательства? Или даже, оставляя это в стороне, неужели же, спросим себя, может быть сомнение в том, что гос ударство, предъявляя права на верноподданности себя, тем самым не принимает на себя обязанности защищать своих верноподданных? И так как права предполагают и соответствующие обязанности, то из этого следует, что право гос ударства на услуги граждан, даже до обязанности рисковать жизнью при общественной защите, тем самым обуславливает народам право на общественную помощь в тех случаях, когда по той или другой причине кто-нибудь из подданных нуждается в ней». (Смотри примечание 2-е в прибавлении.)

ность лошади зависит от того, что вы можете всегда накинуть на нее узду. Ценность человека состоит в том же самом. Если его можно взнуздать или, что еще лучше, если он сам может обуздывать себя, то будет ценным созданием. В противном же случае, с известной промышленной точки зрения, он не имеет никакой цены или цену чисто случайную. Только, конечно, узда, пригодная для человека, не ременная; а из чего она состоит, мы можем узнать из следующих слов псалмопевца: «Не будьте как конь, как лошак неосмысленный, которых челюсти нужно обуздывать уздою и удилами» (Пс. 31, 9). «И вам нужны поводья, но совсем другого рода». «И буду руководить тебя, Око Мое над тобою». Итак, руководящими поводьями для человека служит Око Божье; но если он отвергает это руководство, то наилучшими уздами для него являются пригодные и для лошадей и для неосмысленных лошаков, а если он не признает и последних и закусывает удила, то захлебнется в «крови, текущей из точила гнева Божия даже до узд конских» (Ап. 14, 20).

Оставляя эти общие и крайне важные законы управления или, вернее, сводя их к занимающему нас вопросу, нам предстоит рассмотреть приметы трех вышеуказанных пунктов дисциплины к той особенной ветви человеческого труда, задачей которой является не доставление хлеба, а выражение чувств. По отношению к искусству нам предстоит рассмотреть вопросы о применении труда к искусству, о накоплении и сохранении произведений этого труда и, наконец, о распределении их. Но так как в искусстве применяется труд особого класса людей – людей, одаренных для этой деятельности особым талантом, – то нам предстоит рассмотреть не только вопрос о том, как применять труд, но, прежде всего, как создавать подходящих работников. Таким образом, и в данном специальном случае вместо трех возникает перед нами четыре вопроса. Первый вопрос: как получить таланты? Второй: как применять их труд? Затем – как по возможности лучше и больше накапливать и сохранять плоды их трудов и, наконец, как распределять их работу с наибольшей пользой для нации? Рассмотрим же последовательно все четыре вопроса.

1. *Открытие.* Как приобрести людей талантливых, т. е. какими средствами получить среди нас в любое данное время наибольшее количество деятельных художественных талантов? Обширный, как видите, вопрос, включающий сведения о всех лучших способах художественного образования. Да, но я и не думаю рассматривать этого вопроса, а только хочу установить несколько общих принципов, лежащих в основе его. И из них первый заключается в том, что вам приходится всегда находить, а не создавать художников, так как вы не в силах создать их, как не можете делать золото. Вы в состоянии только отыскать и очистить его; вы раскапываете его в виде самородка на дне горного потока, приносите домой и обращаете в монеты, в блюда, но ни одного зерна его вы не можете сами сделать. Известное количество художественных талантов ежегодно рождается в каждой стране, оно больше или меньше, смотря по природе и степени развития нации или породы людей, но ежегодно их имеется вполне определенное количество, которое вы не можете увеличить ни на одну крупинку. Вы можете растерять или собрать его, вы можете оставить его лежать на дне оврага, зарытым в песке, или можете делать из него троны и врата храмов, но самое большее, что вы можете делать, это – просеивать, плавить, ковать и очищать, но не создавать его. И относительно этого художественного золота нужно еще заметить, что ограничено не только количество его, но и применение или употребление его. Вы можете делать из него троны или золотые ворота, если хотите, но ничего более. Вы не можете делать ни ножей, ни оружия, ни рельсов. Золото не способно ни резать, ни служить для перевозки, и для механического употребления оно сразу оказывается непригодным. Правда, что в величайших художниках их художественный дар соединен с другими дарами, и вы можете пользоваться этими другими способностями, оставляя художественные в полном дремотном состоянии. Очень может быть, что в настоящее время два или три Леонардо да Винчи заняты работами на ваших гаванях или на железных дорогах, но вы при этом не пользуетесь их леонардовскими или золотыми способностями, а только подавля-

ете или губите их. В обыкновенном же человеке художественный дар не соединен с другими; ваш врожденный художник, если вы не сделаете из него художника, не будет ни выдающимся купцом, ни выдающимся юристом, и, во всяком случае, что бы из него ни вышло, его специальный дар останется без применения вами и нисколько не поможет ему в других занятиях. Таким образом, вы имеете здесь известное количество особого рода дарований, производимых для вас ежегодно законами Провидения и которыми вы можете воспользоваться, применяя их к подходящему для них делу; всякая же попытка иначе воспользоваться этими дарованиями представляет явную потерю определенной человеческой энергии. Теперь предположим, что мы хотим воспользоваться последней и задаем себе вопрос: как лучше всего открыть и развить ее? Открыть этот дар довольно легко. Стоит только пожелать воспользоваться им, и вы тотчас же откроете его. Для этого вам только необходимо иметь по школе испытания⁴ в каждом значительном городе, где встречаются известные нерадивые парни на фермах, которых хозяева никак не могут уберечь от разных неудач, и глуповатые ученики у портных, всегда стегающие рукава не так, как следует, и которых можно было бы испытать в художественном ремесле. Только эти школы испытания должны быть не школами, урегулированными формальными законами художественного образования, а мастерскими хорошего мастера-живописца, который будет испытывать юношей в различных областях искусства, пока наконец не найдет, к чему они пригодны. Вслед за вашими школами испытания необходимо вам озаботиться о доставлении юношам легких и обеспеченных занятий, что имеет громадное значение, так как при теперешней системе мальчишки, обладающие выдающимися художественными способностями, обыкновенно делаются художниками после того, как лучшая часть их юношеской энергии потрачена ими в борьбе за существование. Прежде чем хороший художник может найти себе занятие, он всегда изведает много душевных огорчений, и талант его будет значительно поврежден. Обычные дарования обыкновенно с пластической гибкостью подчиняются общественным требованиям, лестью и угодничеством добиваясь стать любимцами публики⁵. Но ваши великие люди не склоняются перед вами, и вы мстите им, заставляя их голодать в течение всей первой половины жизни. И если художник обладает врожденным талантом, то можно с уверенностью сказать, что ему придется вести суровую борьбу с жизнью именно в ранние годы, когда он должен быть полон радостных и счастливых надежд, когда характер его должен быть спокоен, а мысли – самые восторженные, а между тем в этот самый критический период его жизни сердце его и бывает переполнено всевозможными мелочными заботами и тревогами; разочарования охлаждают, а несправедливость возмущает его; он становится упорен в своих заблуждениях не менее, чем в своих достоинствах, и полет его стремлений слабеет по мере того, как надежды его не оправдываются.

Поэтому мы главным образом нуждаемся в достаточных и обеспеченных занятиях; нужно не расточать крупных наград, которых молодые художники должны добиваться путем усилий, а доставлять всем надлежащую поддержку и полную возможность развивать имеющиеся в них дары без огорчений и унижений. Едва ли мне нужно при этом заметить, что наилучшим поприщем для такого рода работ представляются постоянно прогрессирующие публичные работы в области разнообразных декораций, и нам предстоит теперь рассмотреть, какого рода общественные работы могут с пользой для нации постоянно прогрессировать. Но едва ли не важнее, чем даже это обеспечение занятий, представляет тот способ, какими вы, публика, встречаете первые произведения художников, представляемые ими на ваш суд. Вы можете нанести сильный вред нашей нескромной похвалой, как и неумеренным порицанием; но не забывайте, что наибольший вред всегда наносится порицанием. Само собой разумеется, что произведение юноши не может быть совершенным, что оно более или менее страдает от незна-

⁴ См. примечание 3-е в прибавлениях.

⁵ См. примечание 4-е в приложении.

ния, более или менее слабо, что всегда в нем сказывается проба сил, а стало быть, встречаются местами и ошибки. И вы если позволите себе сразу наброситься на эти первые замеченные вами ошибки, то, по всем вероятностям, оскорбите юношу за те недостатки, которые вполне естественны и неизбежны в данной стадии его развития; да, вы с таким же точно правом могли бы осуждать ребенка за то, что он не обладает благоразумием члена тайного совета, или котенка за отсутствие в нем степенности кота. Но есть один недостаток, который вы всегда с уверенностью можете считать вредным и который поэтому всегда заслуживает серьезного порицания; таким недостатком является всегда поспешность, сопряженная с небрежностью. Каждый раз, когда вы замечаете в произведении юноши бойкость или неряшливость, вы смело можете нападать и быть уверены в нашей правоте. Если произведение его отличается бойкостью, то тут сказывается наглость, и вы смело сдерживайте ее; если оно неряшливо, то тут является беспечность, карайте ее. Пока юноша работает в этом бойком или порывистом направлении, наилучшая награда для него – ваше презрение; только когда он не заискивает вашего одобрения, вы можете быть уверены, что он его заслуживает.

А если он заслуживает одобрения, то не скупитесь, иначе вы рискуете недостатком поощрения заставить его свернуть с истинного пути и сами лишиться наиболее радостной возможности поощрить должной наградой его юношеский труд. Ведь только для юношей похвала людей служит великой наградой; старики, став великими, настолько превосходят и опережают вас, что не заботятся о вашем мнении. Вы можете окружать их своими симпатиями и приветствовать одобрениями и рукоплесканиями, но они будут сомневаться в нашей симпатии и презирать ваши похвалы. Вы могли бы придать бодрости их золотой юности, могли бы заставить их зардеться от гордости, если б хоть раз сказали им: «Это хорошо сделанное – в то время, когда они стремились к первой цели их раннего честолюбия. Но теперь все это только в воспоминаниях, а все надежды – на небе. Они могут быть добры к вам, но вы уже не в силах быть добры к ним. Вы можете питаться плодами и полнотой их престарелых лет, но вы были губительной тлётю их молодости, и ваша хвала является лишь теплым осенним ветерком для умирающих ветвей.

Но еще одна мысль, самая грустная из всех, невольно является, когда думаешь об этом лишении ранней помощи. Очень возможно, что у некоторых благородных личностей теплота и нежные чувства детства сохраняются, даже не встречая ответа, и что сердце старика все еще будет способно радоваться, когда симпатия, в которой ему так долго отказывали, наконец улыбнется ему. Но у этих благородных людей главный мотив их юношеских стремлений всегда почти заключался в том, чтобы доставить утешение не себе, а своим родителям. Каждый благородный юноша всегда вспоминает, что величайшим радостным моментом, поставленным ему похвалой света, был тот, когда взоры его отца засияли от гордости и когда его мать принуждена была скрыть свое лицо, чтоб сын не увидел ее слез и не принял их за слезы горя. Даже радость влюбленного, когда его таланты восхваляются в присутствии его возлюбленной, не так велика, потому что она не так чиста вследствие того, что к его желанию доставить ей радость примешивается некоторая доля самовозвеличения; в глазах же родителей ему нечего гордиться своим успехом. Исключительно в надежде доставить им удовольствие он говорит им о том, что сделал и что о нем говорят, и это доставляет ему самое чистое наслаждение. И этих-то самых чистых и лучших радостей вы лишаете его, тогда как можете их доставить; вы в нежной юности питаете его пеплом и бесчестием, и затем приторно-вежливо являетесь к нему слишком поздно с вашим колючим лавровым венком, вся роса с листьев которого уже обсохла; вы вручаете этот венок в его безжизненные руки, и он удивленно смотрит вам в глаза. Что ему с ним делать? Что он может сделать? Идти разве и возложить его на могилу матери?

Таким образом, вы видите, что вам следует для ваших юношей позаботиться приисканием школ, в которых они могли бы испытывать свои дарования, для них доставлять обеспечивающие занятия и оказывать справедливую похвалу, но затем вам остается сделать еще одну

вещь, подготавливая их к полному служению обществу, а именно: вы должны в самом высшем смысле сделать из них людей благородных, т. е. озаботиться о таком воспитании их души, чтоб во всем, что они будут изображать, они видели и чувствовали бы все самое благородное. И я с грустью должен признаться, что в воспитании художников больше всего пренебрегается эта сторона, даже когда врожденные вкусы и чувства юношей чисты и верны; когда юноши обладают данными, чтоб стать людьми благородными, вы можете слишком часто заметить те или иные ложные пробелы в их умственном складе, те или иные элементы извращенного отношения к предметам в силу недостатка благородного воспитания и либерального влияния литературы. Это вполне заметно в наших величайших художниках, даже в таких людях, как Тернер и Генсборо; тогда как у наших второстепенных художников это зло вообще достигает таких размеров, которые слишком очевидны, чтоб стоило на них указывать. Теперь заметьте, что во всей области экономии искусства важнее всего та ветвь ее, в силу которой вы можете сделать интеллект, находящийся в вашем распоряжении, чистым и мощным, так что он всегда будет собирать для вас все самое отрадное и восхитительное. То же количество труда той же человеческой руки будет, соответственно развитию ее, творить приятные и полезные вещи или же низкие и вредные, и в зависимости от этого, каковы бы ни были достоинства произведения в отношении ловкости художника, его главная и конечная ценность для каждой нации зависит от способности облагораживать зрителей и приводить их в восторг; и картина, наиболее заслуживающая название художественного сокровища, всегда будет из числа нарисованных хорошим человеком.

Вы ясно видите, как далеко завел бы нас этот вопрос, если бы я стал подробно рассматривать его. Поэтому я предпочитаю избрать его со временем темой для отдельного чтения, теперь же замечу только, что нация всего производительнее тратила бы свои деньги, если бы употребляла их на доставление либерального и дисциплинированного воспитания своим художникам в критический период их юности, и что значительная доля жизненной мощи художников зависит от того рода сюжетов, на которые вы, публика, предъявляете запрос, а стало быть, от того рода мыслей, с которыми вы требуете, чтоб они наиболее свыкались. По этому поводу мне придется еще многое высказать вам, когда мы дойдем до рассмотрения той роли, которую художники должны играть в деле украшения общественных зданий.

Существует много других вопросов, почти столь же важных, относительно развитая талантов, но, подробно рассматривая их, мне пришлось бы прочесть, вместо четырех целых шесть лекций. Я ничего не говорил, напр., о том, как вы должны смотреть на мастеров в различных ремеслах, не обладающих теми талантами, которыми вы желали бы воспользоваться для более возвышенных целей, но одаренных, однако, сметливостью, юмором, фантазией и пониманием красок, т. е. всеми коммерчески ценными свойствами ума, более или менее явно проявляющимися в низших искусствах: железных и глиняных изделиях, в декоративной скульптуре и в т. п. вещах. Но эти подробности, как они ни интересны, я должен предоставить вашему собственному усмотрению или отложить до дальнейших исследований когда-нибудь в будущем. В настоящих же лекциях я желал бы только в общих чертах рассмотреть занимающий нас вопрос, иллюстрируя его подробностями, могущими лучше уяснить его; а потому я должен этим закончить первую главу и перейти ко второй – к рассмотрению того, как лучше всего применять открываемые нами таланты. Известное количество способных рук и голов представлено в наше распоряжение; чем же мы преимущественно займем их?

II. Применение. Здесь политэкономам пришлось бы иметь в виду следующие три главных пункта.

Во-первых, засадить этих людей за различного рода работу.

Во-вторых, за легкую работу.

В-третьих, за продолжительную работу.

Первых двух пунктов я коснусь только слегка, так как желаю остановить ваше внимание преимущественно на последнем.

Я выше сказал, что нужно применять силы молодежи к различным работам. Предположим, что у вас имеется два человека, обладающих одинаковой способностью к живописи ландшафтов. Вы не заставите их снимать один и тот же вид, а предпочтете иметь два различных ландшафта вместо повторения одного и того же.

По отношению к скульптурам то же самое правило вполне применимо, но довольно трудно убедить современных архитекторов в его справедливости. Двадцать человек гравировать двадцать капителей, и все одни и те же. Если б мы имели возможность заглянуть разом во все кабинеты современных архитекторов Англии, мы увидали бы тысячу умных людей, занятых черчением одного и того же рисунка. О том, какое унижающее и мертвящее влияние это имеет на художественное чувство страны, мне приходилось более или менее подробно говорить уже не раз, но я до сих пор не отмечал конечного влияния такой привычки на увеличение цены труда. Люди, постоянно занятые резьбой одних и тех же орнаментов, впадают в привычку выполнять эту однообразную работу чисто механически – точно так же, как если б они дробили камни или раскрашивали стены домов. Конечно, постоянно выполняя одну и ту же работу, они делают ее легче, и если вы станете поощрять их, увеличивая по временам плату, то можете получить много работы, выполненной в короткое время. Но если нет такого стимула, то люди, принужденные заниматься такой монотонной работой, в силу свойств человеческой природы работают вяло, отнюдь не производя наибольшего количества труда в известный период времени. Если же вы позволите им разнообразить рисунки так, чтоб они и сердцем и умом заинтересованы были в работе, то они будут стараться как можно скорее выразить свою мысль и довести осуществление ее до конца; и энергия, возбуждаемая таким образом, значительно ускоряет, а тем самым и удешевляет работу. По дороге сюда, проезжая мимо Оксфорда, я слышал от Томаса Дина, архитектора нового музея в Оксфорде, что он по опыту пришел к заключению, что в силу одного этого обстоятельства капители различных рисунков выполняются дешевле на тридцать процентов, чем однообразные капители, требующие равного количества ручного труда.

Итак, вот первый способ правильного применения вашего знания и ума; и простое соблюдение этого ясного правила политической экономии произведет такой благородный переворот в нашей архитектуре, о котором вы в данную минуту не можете составить себе даже полного понятия. Второй способ экономии труда состоит в том, чтоб пользоваться самой легкой работой, а стало быть, требующей наименьшего количества времени, если она, конечно, вполне соответствует данной цели. Мрамор, напр., так же долго просуществует, как и гранит, но он гораздо мягче в работе, поэтому, заручившись хорошим скульптором, давайте ему мрамор, а не гранит. Это, скажете вы, вполне очевидно. Да, но не так очевидно то, сколько вы заставляете ежегодно ваших рабочих тратить бесполезно времени на резьбу по остывшему стеклу, тогда как вам следовало бы формовать его, пока оно мягко. Не так очевидно, сколько труда бесполезно тратится на гранение самых твердых камней, вроде бриллиантов и рубинов, придавая им ничего не значащие формы, тогда как те же самые люди могли бы заняться гранением песчаника и плитняка, придавая им полезные и осмысленные формы. Не так очевидно, сколько времени вы отнимаете у итальянских художников, заставляя их делать жалкие мозаичные картинки из кусочков камней, склеиваемых вместе ценою усиленного труда, тогда как десятой части употребляемого ими времени было бы вполне достаточно, чтоб создать хорошие и благородные акварели. Я мог бы привести бесчисленное множество примеров таких же коммерческих ошибок; но я этим только смутил бы и утомил бы вас, поэтому я предоставляю настоящий пункт вашему личному тщательному рассмотрению и перехожу к последнему из вышеупомянутых, которым и займу сегодня ваше внимание. Вы знаете, что мы, рассматривая

в настоящее время вопрос о том, как лучше применить наши таланты, с точки зрения экономии, пришли к заключению, что

- 1) труд должен быть разнообразен,
- 2) легок
- 3) и долговечен.

Долговечность труда есть последний вопрос, подлежащий нашему рассмотрению.

Многие из вас, может быть, припомнят, что Пьетро ди Медичи заказал однажды Микеланджело сделать статую из снега, которую он и исполнил⁶. Я очень рад, и мы все можем радоваться, что такая фантазия пришла в голову недостойному флорентинцу, и вот почему: Пьетро ди Медичи дал этим в великую эпоху расцвета искусств самый полный, точный и совершенный образец величайшего заблуждения, в какой могут впасть народы и властелины по отношению к талантам, вверенным их руководству. Вы имеете тут величайшего гения, полного самого безукоризненного повиновения. Он был способен к железному сопротивлению, но вполне подчинялся воле патрона и в то же время представлял собою образец вполне совершенного и крайне оригинального гения, способного делать все возможное во всех сферах, доступных людям. И вот его руководитель, правитель и патрон заставляет его сделать статую из снега, т. е. служить тому, что по своему ничтожеству превращается в облако, исчезающее с лица земли.

И все мы более или менее следуем примеру Пьетро ди Медичи, поскольку заставляем зависящие от нас таланты пользоваться при работах таким материалом, который быстро портится. Побуждая живописцев употреблять быстро линяющие краски, архитекторов – строить из негодного материала или вообще гнаться за дешевизной и непосредственными выгодами при выполнении требуемых нами работ и нимало не задаваясь мыслью о том, насколько это будет пригодно для последующих поколений, мы, говоря я, принуждаем наших Микеланджело лепить из снега. Первая обязанность политэконома по отношению к искусству состоит во внимательном наблюдении, чтобы ни один талант не блистал, как иней, а был подобен прочному стеклу и расписным окнам, помещенным между каменными столбами и железными полосами, пропуская солнечный свет и отражая его из поколения в поколение.

Но, может быть, иной политэконом прервет меня и скажет: «Если ваши произведения искусства будут слишком прочны и долговечны, то скоро их накопится чересчур много, и ваши художники останутся без работы. Лучше допустите известную долю полезной непрочности и благотворной разрушимости; пусть каждый век творит произведения искусства для себя; в противном случае мы скоро станем иметь столько хороших картин, что не будем знать, что с ними делать».

Но, дорогие слушатели, думающие так, не забывайте, что политическая экономия, как и всякий предмет, не может правильно исследовать, если мы захотим одновременно разрешать не один, а целых два вопроса. Как получить требуемое количество данных предметов – вот один вопрос, а насколько полезно обладать требуемым количеством данного предмета – составляет уже совсем другой вопрос. Рассматривайте их отдельно, и никогда не смешивайте вместе. Как обрабатывать поля, чтоб получать хороший урожай, – вот один вопрос; а желаете ли вы иметь хороший урожай или предпочитаете удерживать существующие цены – это другой вопрос. Как прививать деревья, чтоб получать наибольшее количество яблок, – один вопрос, не имеющий ничего общего с вопросом о том, не сгниет ли такая куча яблок в вашем подвале.

В данное время, так как мы рассматриваем исключительно вопрос о произрастании и о прививке, то, пожалуйста, не тревожьтесь заботами о том, что нам делать с яблоками. Насколько желательно иметь много или мало произведений искусств, будет рассмотрено нами впоследствии; теперь же строго ограничимся вопросом о том, как вдоволь получить произведение хорошего искусства, когда мы нуждаемся в них. Может быть, также хорошо, чтоб чело-

⁶ Смотри прекрасный рассказ об этом в «Casa Guidi Windows».

век с умеренным доходом имел возможность обладать хорошей картиной, как и то, чтоб каждое произведение, не лишенное действительных достоинств, стоило пять или десять тысяч; но, во всяком случае, к области политико-экономических исследований принадлежит вопрос о том, как при желании иметь требуемое количество продуктов: зерна, вина, золота или картин.

Мы несколько выше сказали, что первая задача состоит в том, чтоб производить прочную работу, которая могла бы долго просуществовать. Но чтоб произведение долго просуществовало, требуется не только хороший материал, но и хорошее качество самого произведения. Нельзя назвать хорошим такое произведение искусства, которое быстро надоедает и скоро откладывается нами в сторону. Накопление таких произведений не доставляет наслаждения. Так что первый вопрос для хорошего политэконома искусства, по отношению к каждому произведению, заключается в том: потеряет ли оно с годами свою прелесть? Оно может быть очень забавно в настоящее время и иметь вид произведения таланта и даже гения. Но какое значение будет оно иметь через сто лет? Вы не всегда можете с уверенностью решить этот вопрос. Иногда произведения, которые вы считаете самыми лучшими, к великому вашему удивлению, оказываются недолговечными. Но бесспорно одно: произведения, создаваемые поспешно, погибают так же поспешно, и то, что обходится всего дешевле, в итоге оказывается самым дорогим.

К сожалению, я должен сказать, что тенденция настоящего века побуждает таланты заниматься разного рода гибнущими произведениями, как будто торжество искусства состоит в том, чтоб мысль мимолетно блеснула и исчезла, как ракета. Ежегодно масса труда и умственных усилий тратится на дешевые иллюстрации. Вы торжествуете и думаете, что иметь множество деревянных клише за грош представляет великую победу. Но ваши деревянные клише, ваши гроши и все тому подобное гибнет так же бесполезно для вас, как если б вы тратили ваши деньги на паутину; даже хуже того, паутина может только щекотать вам лицо и застилать вам свет, но она не в силах опутать вам ноги и заставить вас упасть; дурное же искусство может сделать и это, так как вы не можете любить хорошие эстампы или гравюры, пока любуетесь дурными. Если б нам пришлось в настоящее время просматривать гравюры Тициана или Дюрера, они не понравились бы нам или, по крайней мере, тем из нас, которые привыкли к дешевым современным гравюрам. Но и последние недолго нравятся и не могут долго нравиться нам, и когда нам надоедает одна дурная дешевая гравюра, мы отбрасываем ее в сторону и покупаем другую, такую же дурную, дешевую, и так продолжаем всю жизнь смотреть на дурные вещи.

И однако люди, делающие их для вас, могли бы произвести что-нибудь совершенное. Но совершенные произведения не могут делаться спешно и быть дешевле известной нормы. Предположите, что вы заплатите в двенадцать раз дороже, чем теперь, и получите одну гравюру вместо двенадцати; но она представляет образец совершенства, и вам никогда не надоест любоваться на нее; она отпечатана на прочной бумаге хорошими типографскими красками и не ломается и не рвется целые годы, хотя вы не раз берете ее в руки; тогда как ваши грошовые гравюры надоедают вам к концу недели и представляют большей частью какие-то изорванные клочки; что же, в конце концов, оказывается более выгодным? Не та ли гравюра, которая стоила в двенадцать раз дороже?

Но наибольшая экономия соблюдается даже не при покупке наилучших отпечатков или гравюр. В оригинальном рисунке есть некоторые достоинства, которые не могут быть переданы никакой гравюрой, и лучшие черты таланта человека сказываются только в оригинальных произведениях, сделаны ли они пером и чернилами или же кистью и красками. Если не всегда, то в громадном большинстве случаев лучшие люди те, которые могут проявлять свой талант только на бумаге или на холсте, и потому в конце концов вам выгоднее всего приобрести оригинальный рисунок, следуя вышеуказанному правилу, что наилучшее оказывается в итоге и наиболее дешевым. Понятно, что оригинальные рисунки не могут быть произведены дешевле известной суммы. Если вы хотите, чтоб человек сделал для вас рисунок, на который он употребит шесть дней, то вы, во всяком случае, должны доставлять ему в течение этого вре-

мени необходимую пищу, питье, отопление, освещение и помещение. Это самая низкая плата, за которую он может сделать эту работу, и она, надеюсь, не особенно высока; и наилучшая честная сделка, возможная в искусстве – настоящий идеал дешевой покупки, – состоит в том, чтоб оригинальное произведение великого человека приобреталось при том условии, чтоб он в течение нужного ему времени получал необходимые хлеб и воду или, вернее, такое количество луковиц, какое необходимо, чтоб он был в хорошем расположении духа. Вот те условия, при которых вы больше всего получите за ваши деньги; никакие механические приспособления для размножения произведений и никакие коммерческие измышления не доставят вам художественных произведений на более выгодных условиях.

Не доводя, однако же, вычисления до крайностей тюремной дисциплины, мы можем установить за правило экономии по отношению к искусству, что, в общем, лучше и выгоднее всего иметь не копии, а оригиналы, и в соответствии со стоимостью их производства особенно важное значение имеет прочность и долговечность их материала. И здесь необходимо отметить второе крупное заблуждение нашего времени: мы от наших тружеников требуем не только дурного искусства, но даже дурного материала. Так, например, мы за последние двадцать лет побудили массу талантливых людей заниматься акварелью, но при этом мы самым беспечным образом отнеслись к тому, как долго бумага и краски могут не портиться. Случайно, может быть, краски известной акварели окажутся хорошего качества и бумага не испорченной химической обработкой; но вы нисколько не стараетесь предварительно в этом убедиться, так что мне приходилось видеть самые гибельные изменения в акварелях, которым не было и двадцати лет; и из того, что мне известно о беспечности современного бумажного производства, я прихожу к заключению, что хотя вы до сих пор можете наслаждаться гравюрами Альберта Дюрера – после двухсот лет, – но не пройдет и половины этого времени, как большинство современных акварелей превратится в выцветшие и побуревшие клочки бумаги; и ваши потомки, презрительно комкая их между пальцами, будут – отчасти с негодованием, отчасти со злобой – шептать: «Как жалки были эти люди девятнадцатого столетия! Они весь мир наполнили паром и копотью, занимаясь тем, что они называли производством, а не могли выделить даже листа негнилой бумаги». А между тем заметьте, что в настоящее время это имеет далеко не ничтожное значение в экономии вашего искусства. Ваши акварелисты с каждым днем становятся все более способными выражать возвышенные и совершенные вещи, и их материал специально приспособлен к наклонностям ваших лучших художников. Стоимость подобного рода произведений, которые вы могли бы накопить, составила бы вскоре довольно значительную статью вашего национального художественного богатства, если б вы хоть немного позаботились об их долговечности. Я лично склонен думать, что для акварелей следует исключительно употреблять велень, и тогда, при надлежащих заботах, рисунки были бы почти вечны. Бумага все же наиболее удобный материал для быстрых работ, и в высшей степени нелепо не заботиться об ее доброкачественности, которой так легко достигнуть без особенных хлопот. В числе многих полезных вещей, которых я потребовал бы от нашего правительства, когда оно будет иметь значение отца народа, будет и то, чтоб оно снабжало всех своих сынов хорошей бумагой. Для этого правительству стоит только устроить бумажную фабрику под руководством одного из наших выдающихся химиков, ответственного за безвредность и совершенство всех процессов производства. Правительственный штемпель на углу вашего листа рисовальной бумаги, выполненного самым совершенным способом, будет стоить вам шиллинг, что несколько увеличит доход производства; и когда вы купите акварель за пятьдесят или сто гиней, вам стоит только взглянуть на угол листа и заплатить лишний полтинник за ручательство, что ваши сотни уплачены за действительную картину, а не за цветную негодную бумагу. Здесь не должно быть ни монополии, ни стеснений. Пусть бумажные фабриканты конкурируют с правительством, и если публика предпочитает сберечь полтинник и рисковать, то никто и ничто ее не стесняет. Но

только тогда и художники, и покупатели при желании будут иметь уверенность в доброкачественности материала, которой они теперь лишены.

Я бы желал также, чтобы существовала правительственная фабрика красок, хотя это не так необходимо, так как художник легче может убедиться в достоинстве их; и я не сомневаюсь, что любой художник может добыть, если пожелает, очень прочные краски от почтенных фабрикантов. Я не стану развивать этого плана по отношению к архитектуре и наших современных способов воздвигать различные постройки – об этом я уже имел случай говорить раньше.

Но не могу, однако, не отметить, хотя бы вскользь, нашей привычки – все более, по-видимому, укореняющейся – затрачивать значительное количество и мысли, и труда на предметы, которые, как, например, одежда, по самой природе своей неизбежно скоро изнашиваются, или на такие вещи, которые, как, например, посуда, хотя и не скоро уничтожаются, но часто меняются под влиянием моды. Я с ужасом смотрю на то, как богатая молодая чета, обзаводясь хозяйством в Лондоне, считает едва ли не первую своею обязанностью купить новый сервиз. Сервизы их родителей могут быть очень красивы, но фасон устарел. Они желают непременно иметь новый сервиз от модного фабриканта и отдадут перелить и переделать заново свой старый, за исключением нескольких апостольских ложек и чаши, из которой Карл II пил за здоровье их красивой прабабушки. Но пока такой обычай существует, пока мода имеет влияние на производство сервизов, до тех пор в стране не может существовать ювелирного искусства. Неужели вы думаете, что художник, заслуживающий этого названия, вложит свою душу и мысль в чашу или урну, которая, как он знает, лет через десять отправится в тигель. Конечно нет, и этого вы не можете ни требовать, ни ожидать от него. Вы просто предъявляете запрос на известное количество быстрой ручной работы: остроумный завиток ручки здесь, и изгиб ноги там, व्यюнок новейшей школы рисования, фазан наподобие того, какой изображен на Ландсирских игральных картах, пару сентиментальных фигур в виде подставок в стиле знаков страховых обществ, в заключение ловкая полировка, – и вот готов ваш сервиз на удивление всех лакеев, прислуживающих при вашем свадебном завтраке, и к огорчению злополучного юноши, который из-за грубых ветвей не может любоваться красивой девушкой, сидящей напротив него.

Но надеюсь, вы не считаете это за работу золотых дел мастера? Работа золотых дел мастеров производится ими, чтоб увековечить себя; и они влагают в нее свою душу и сердце; истинная работа золотых дел мастера, если она существует, является средством воспитания величайших живописцев и скульпторов. Франка был золотых дел мастером; это было, впрочем, имя его учителя, и он почти всегда из любви к нему подписывал свои картины: «Франция был золотых дел мастер». Джирландажио был золотых дел мастером и учителем Микеланджело. Верроккьо был золотых дел мастером и учителем Леонардо да Винчи. Джиберти был золотых дел мастером и вычеканил бронзовые ворота, о которых Микеланджело сказал, что они достойны быть вратами рая⁷. И если вы когда-нибудь пожелаете иметь такую работу, то должны хранить ее, хотя бы она и вышла из моды. Вы не должны продавать ее в лом или отдавать переплавлять. Это совсем не экономно, а, напротив, представляет самую оскорбительную форму бесполезной умственной траты. Природа, если желает, может плавить свое вычеканенное золото при каждом закате солнца и снова выделять из него разные узоры при каждом восходе; но вы не должны. Чтоб сервиз должным образом служил вам, следует увеличивать, а не плавить его. При каждой свадьбе, при каждом рождении покупайте, если хотите, новую золотую или серебряную вещицу, но всегда благородно сделанную, и присоединяйте ее к своим сокровищам –

⁷ Есть много причин, к числу которых работа золотых дел мастеров так благодетельна для молодых художников: во-первых, она придает твердость руке, проработавшей несколько времени над таким твердым веществом, во-вторых, она приучает к осторожности: мальчик, имеющий дело с мелом, карандашом и бумагой, подвергается немедленному искушению чертить и марать, но он не решится чертить по золоту или шутить с ним; и, наконец, работа золотых дел мастера требует особенной деликатности и точности резца при мелкой работе или при старании выполнить роскошный и законченный рисунок, соответствующий драгоценности металла.

вот одно из достойнейших употреблений и неизменных применений этого искусства. Когда мы несколько больше ознакомимся с политической экономией, то увидим, что только полуварварские народы нуждаются непременно в золоте, как ходячей монете⁸, но что действительное его назначение, как и многих других прекрасных вещей, состоит в том, чтоб в неизменном блеске представлять прекрасные образцы человеческого труда и чтоб художники, одаренные самой стойкой фантазией, обладали материалом, из которого они могут выбивать и чеканить свои заветные грезы в уверенности, что они останутся неизменившимися навсегда, для какого бы употребления они ни предназначали свои произведения.

Таким образом, мы имеем здесь одну из отраслей декоративного искусства, поощряя которую люди могут быть не вполне эгоистичны; если они предъявляют спрос на хорошие произведения искусства, то, приобретая золотые и серебряные сервизы, они содействуют полезному воспитанию молодых художников. Но есть другая отрасль декоративного искусства, в которой мы не можем, по крайней мере при существующих обстоятельствах, льстить себя надеждой, что оказываем кому-нибудь пользу; я разумею сильно распространенное искусство нарядов.

И здесь я на несколько мгновений должен прервать нить дальнейшего исследования, чтоб установить политико-экономический принцип, который, хотя в настоящее время вполне, надеюсь, выяснен и признан главными представителями этой науки, но, к сожалению, не воздействовал на деятельность большинства людей, обладающих богатствами и распоряжающихся ими. При каждой трате денег мы неизбежно заставляем людей работать: таково истинное значение каждого денежного расхода; мы можем, конечно, потерять деньги, не приобретя на них ничего; но при каждом расходовании мы засаживаем за работу известное количество людей, большее или меньшее, смотря по размеру заработной платы и количеству расходуемых денег. И вот ограниченные люди, видя, что при каждом расходовании денег они доставляют кому-нибудь заработок и тем приносят известную долю пользы, думают и уверяют себя, что безразлично, как они тратят деньги, что вся их, видимо, эгоистическая роскошь в действительности вполне не эгоистична и оказывает столько же, если не больше, пользы, как и в том случае, если бы они роздали все свои деньги. Я даже слышал, как глупые люди, не стесняясь, явно заявляют, что в силу принципа политической экономии человек, придумывающей новую потребность⁹, тем самым оказывает пользу обществу. Я не нахожу достаточно сильных слов, – которые не оскорбили бы вас своей резкостью, – для выражения моего удивления всей нелепости и всему вреду этого общераспространенного заблуждения. Поэтому, сдерживаясь и не употребляя резких выражений, я просто постараюсь выяснить его истинное значение и степень его вредного влияния.

Допуская, что при любом расходовании денег мы доставляем людям работу, и не касаясь пока вопроса о том, насколько эта работа здорова и полезна для рабочих, мы предположим, что каждый израсходованный нами рубль доставляет известному количеству рабочих здоровое существование на определенное время. Но то, как мы потратим эти деньги, вполне будет руководить работой этих людей за это время. Мы становимся их господами и госпожами и заставляем их производить в течение известного времени определенную вещь. Но эта вещь может быть полезной и прочной или бесполезной и быстро уничтожающейся; может быть полезной всему обществу или исключительно только нам. Эгоизм и безумие или доброта и благоразумие проявляются нами не в том, сколько мы тратим денег, а в том, сколько мы их тратим на полезные или бесполезные вещи; мы мудры и добры не тем, что доставляем заработок известному количеству людей в течение определенного времени, а тем, что побуждаем их производить предметы, полезные для всего общества, а не только для нас.

⁸ Смори в примечании о природе собственности.

⁹ Смори 5-е примечание в приложении.

Вы, например, молодая девица и заставляете в течение определенного времени известное количество швей шить несколько простых платьев, предположим семь, из которых одно вы сами можете носить ползимы, а шесть отдадите бедным девушкам, у которых их нет; в этом случае вы тратите ваши деньги неэгоистично. Но если вы употребляете то же количество швей в течение стольких же дней на шитье четырех, пяти или шести прекрасных оборок к вашему бальному платью – оборок, которые не нужны никому, кроме вас, и пригодятся только на один бал, – то вы тратите ваши деньги эгоистично. И в том и в другом случае вы доставили заработок одинаковому количеству людей, но в первом случае вы направили их труд на пользу обществу; а во втором вы всецело употребили его на себя. Я не говорю, что вы никогда не должны думать немного о себе и не быть по возможности наряднее, но только не смешивайте кокетство с добротой и не обманывайте себя, думая, что вся роскошь, которой вы в состоянии окружать себя, является тем хлебом, который вы доставляете голодным, стоящим ниже вас; это неправда, и эту неправду, волей-неволей, инстинктивно, иногда чувствуете вы сами и отлично сознают все, кто, дрожа на улице, поджидают, когда вы выходите из ваших экипажей; эти роскошные одежды представляют собою хлеб, не вложенный вами в их голодные рты, а отнятый у них. Действительное политико-экономическое значение каждого из этих роскошных туалетов таково: известное количество людей на определенное количество дней отдано было в полную вашу власть самыми суровыми рабовладельцами: голодом и холодом; и вы сказали этим людям: хорошо, я буду кормить, одевать и греть вас в течение стольких-то дней, но вы все это время будете работать только на меня, ваши братишки нуждаются в одежде, но вы не будете им шить, вам самим скоро понадобится более теплая одежда; но вы не будете ее шить. Вы станете исключительно делать оборки и розы для меня; целые две недели вы будете трудиться над складочками и лепестками, и я все это изомну и уничтожу в один час. Вы, может быть, ответите: положим, что в этом нет особенного благодеяния, но мы и не говорим об этом; однако, во всяком случае, мы не приносим никакого вреда, требуя от них работы за известное вознаграждение; мы платим им за работу и имеем на нее право. Нет, тысячу раз нет. Работа, за которую вы заплатили, становится, действительно, в силу купли, нашей; вы купили время и руки этих работниц; они по праву и справедливости стали на это время вашими руками, вашим собственным временем. Но имеете ли вы право тратить ваше время и работать вашими руками только для собственной пользы? А тем более когда вы куплей увеличили вашу силу мощью других и прибавили к своей жизни часть жизни других? Вы можете, действительно, пользоваться их трудом для собственного удовольствия, так как я, заметьте, не восстаю, вообще, против блеска одежды или роскоши жизненной обстановки, а, наоборот, нахожу, что мы имеем много оснований предполагать, что в настоящее время не придается достаточного значения красоте одежды, как одному из средств, влияющих на общее развитие вкуса и характера. Но я утверждаю, что вы должны определять значение тех вещей, которых вы требуете от работниц, соответствующим мерилom; доступностью и полезностью этих продуктов для них определяется ваша доброта, а не тем, что вы даете им заработок; далее, я утверждаю, что до тех пор, пока среди окружающих вас людей встречаются голодные и холодные, не может быть сомнения в том, что блеск и роскошь одежд есть преступление. Со временем, когда не будет лучшего занятия для людей, может быть, вполне правильно окажется заставлять их выделять кружева и шлифовать бриллианты; но до тех пор, пока встречаются люди, не имеющие одеял для прикрытия кроватей и рубашек для прикрытия своего тела, следует засаживать людей за изготовление одеял и рубашек, а не за кружева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.